

законы жанра (Лукиановой сатиры) или действительная общественная позиция автора? Вопрос этот, к сожалению, не поставлен издателями. Для нашего читателя значительный интерес представляет упоминание Мазарисом славян (с. 76.22) среди многоплеменного населения Пелопоннеса.

Второй памятник издается впервые. Это написанная на разговорном языке поэма о Троянской войне, состоящая из трех частей: первая повествует о событиях накануне войны, вторая — о самой войне, третья — своего рода эпилог, подчеркивающий (на примере Ахилла) христианскую идею о бренности всего сущего. Проникновение библейских элементов в поэму сказывается и в некоторых деталях сюжета: легенда о Парисе видоизменяется под воздействием истории Моисея. Троянский миф испытывает в поэме также влияние византийской действительности: Парис, к примеру, собирается стать монахом (стк. 425); разговор «василевса» Приама с непокорным «вассалом» Селинием (стк. 248—256) вызывает в памяти аналогичную сцену из «Дигениса Акрита».

Поэма издается по Парижской рукописи (Paris. Suppl. gr. 926) XVI в.

А. К.

D. G. Tsames. Δαβὶδ Δισυπάτου Λόγος κατὰ Βαρλαάμ καὶ Ἀκινδύνου πρὸς Νικόλαον Καβάσιλαν. — «Βυζαντινὰ κείμενα καὶ μελέται», 10. Thessalonike, 1973, 115 p. + ill.

Давид Дисипат — византийский писатель и церковный деятель второй четверти XIV в., активный участник паламитских споров. Его краткая история «дурной ереси» Варлаама и Акиндина была впервые издана Порфирием Успенским в «Истории Афона» как анонимное сочинение, а в 40-е годы XX в. переиздана испанским византинистом М. Кандалем¹; затем Р. Браунинг опубликовал ямбы Дисипата против Акиндина², и теперь издается «Слово против Варлаама и Акиндина».

Для издания «Слова» Д. Цамис привлек пять рукописей, среди которых он считает лучшей Paris. gr. 1247, XV в.; к ней близка Marc. gr. 153, XV в. Более ранний манускрипт (XIV в.), принадлежащий Дионисиеву монастырю на Афоне (Dionys. 194), отражает, по мнению издателя, тенденцию выправить, разъяснить или упростить авторский текст, но подчас эти поправки проистекают из ложного понимания рукописи и искажают смысл. Другой Парижский кодекс (Paris. gr. 1238, XIV—XV вв.) содержит только конец «Слова», за которым следуют стихи Дисипата против Акиндина. Наконец, в Ватиканском манускрипте (Vatic. gr. 704, XIV—XV вв.), где на лл. 152—173 об. по каталогу значилась «Книга против патриарха Иоанна Калеки», оказались также отрывки из «Слова» Дисипата.

Во введении Д. Цамис собирает скудные сведения о Давиде Дисипате, сохранившиеся в сочинениях современников, и отделяет достоверное от необоснованного; так, он отвергает предположение, которое принимал и покойный В. Лоран, будто Давид был родом из Солуни (с. 15 и сл.). Несмотря на бедность информации, Дисипат предстает довольно любопытной фигурой. По-видимому, первоначально его позиция в идеологической борьбе была недостаточно определенной: в начале 1341 г. Акиндин (его письмо сохранилось) призывал его в Константинополь, чтобы помочь Паламе против Варлаама; вместе с тем Акиндин, расходясь с Паламой, рассчитывал и на поддержку Дисипата. В свою очередь и Палама обратился к авторитету Давида. Как известно, в 1341 г. размежевание борющихся сил произошло: на одной стороне оказалась группировка Иоанна Кантакузина, провозглашенного 26 октября императором, на другой — сторонники мегадука Апокавка, управлявшего от лица царицы-матери Анны Савойской. Патриарх Иоанн Калека, порвав с Кантакузином, перешел в лагерь Апокавка; Акиндин, покончив с колебаниями, также принял сторону легитимистов. Напротив, Палама, державшийся Кантакузина, оказался в немилости, попал в тюрьму и даже подвергся отлучению. Давид в этих трудных условиях поддерживает паламитов и в ямбах, адресованных Акиндину, с сочувствием описывает бедствия Паламы.

¹ См.: Beck H. G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 734.

² Browning R. David Dishypatos' Poem on Akindynos. — Byz., 25—27, 1955—1957, p. 723—739.

Последнее известие о Дисипате — послание к нему Паламы летом 1354 г. Цамис убедительно полемизирует с И. Мейендорфом, считавшим, что письмо Паламы адресовано другому Давиду: по мнению Цамиса, в письме (манускрипт Uppsala. 28a) вставка «Дисипату» сделана рукой самого писца и относится к лемме, а не к тексту (как думал Мейендорф); поэтому письмо Паламы свидетельствует не о смерти Дисипата (умер другой Давид, — по мысли Цамиса, духовный отец Дисипата), а наоборот, о том, что в 1354 г. он был еще жив и находился в переписке с Паламой (с. 21—23).

Издаваемое им «Слово» Цамис датирует приблизительно летом 1342 г. (с. 27). Это обстоятельство заставляет его пересмотреть традиционную дату рождения того лица, которому Дисипат адресовал свое сочинение — Николая Кавасилы. Принято считать, что он родился около 1320 г. Однако Цамис, исходя из того, что Давид обращается к нему как к «мудрому» человеку (с. 89.14), пользующемуся уважением, не допускает, что Кавасиле было в ту пору только 20 с малым лет, и предлагает отодвинуть дату его рождения к 1307 г. (с. 29).

«Слово» Давида Дисипата посвящено богословской стороне борьбы. О разворачивавшейся в 1342 г. гражданской войне он говорит мимоходом и в весьма общих выражениях (с. 38.1—5, 90.3—10.93.5—8), сосредоточиваясь на обосновании православности учения Паламы об энергиях. Подобно своему противнику антипаламиту Никифору Григоре, Дисипат наполняет аргументацию обильными цитатами из отцов церкви. Но в отличие от Григоры Давид избегает риторичности: его изложение сухо, лишь изредка он позволяет себе напрашивающуюся игру слов. Так, Акиндию именуется «преемником двойных опасностей», порожденных Варлаамом (с. 92.24; см. прим. 2); по-гречески опасность — *κίνδυνος*, и аллюзия очевидна. Редки у него и сравнения — одно, впрочем, примечательно: Дисипат сравнивает своих противников с дурными зверями, которые убегают от света и скрываются в глухой чаще, всеми силами стараясь укрыться от охотников (с. 39.7—12). Сравнение могло бы показаться традиционным, но в данном контексте оно приобретает «второй смысл»: ведь антипаламиты сосредоточивали свою критику на учении Паламы о свете (о Фаворском свете, в котором Палама усматривал проявление энергии, или «силы» божьей), отчего Дисипат и примирение называет «светом истины», предсказывая гибель тем, кто суть мрак и по учению, и по деяниям (с. 93.8—10).

«Слово» Давида Дисипата — еще один памятник, созданный в условиях острой идейной и политической борьбы, подготовившей катастрофический упадок Византийской империи.

А. К.

Th. St. Nikolau. *Διὰ περὶ πολιτείας καὶ δικαίου ἰδέαι τοῦ Γ. Πλήθωνος Γεμιστοῦ.* — «Βυζαντινὰ κείμενα καὶ μελέται», 13. Thessalonike, 1974, 138 p.

Николау в «Прологе» начинает с утверждения, что политическое мышление характерно для всей эллинской истории философии вплоть до Плифона. Исходя из классического тезиса Аристотеля, что «человек — общественное существо», Плифон свои сочинения в основном посвящает гражданину (*πολίτης*), который должен быть «человеком для других», а не одиночкой-индивидуалистом (*μονώτης*). По мнению Николау, вся жизнь и деятельность Плифона была связана с проблемой спасения греческой независимости. Автор выражает сожаление, что наиболее важные сочинения Плифона о государстве были сожжены патриархом Геннадием Схоларием, но, между прочим, приводит некоторые извиняющие обстоятельства для этого «очерняющего» Схолария акта.

Обрисовывая безнадежное положение Византии XIV—XV вв., Николау уделял внимание исихазму; по его мнению, Плифон не склонялся ни к Варлааму, ни к Паламе, но только эклектически воспринимал некоторые их положения (с. 4). Мистицизм Николау считает вообще свойственным эллинскому мышлению — от празднеств Дионисия, Элевсинских мистерий, пифагорейцев, Филона, Плотина, Прокла вплоть до отцов церкви и мистики богословия. По Николау, исихастский спор по своей роли в византийском обществе XIV в. был равен иконоборческому,